

18+ Маша Кубикова

Редакционная
правка

Маша Кубикова

Редакторская правка

<https://litres.ru/74148542>

ISBN 9785006998483

Аннотация

Мария Кубикова — главный редактор газеты. Главное в ее жизни — свободная и честная журналистика. Она думает на несколько шагов вперед, моделирует будущее и ловко лавирует между препятствиями. Вы можете критиковать ее за старомодные взгляды, только не вздумайте задавать неприличные вопросы. Она этого не любит.

На протяжении всего написания книги так и не пострадал ни один журналист.

Автор не смог заставить себя делегировать другим людям дизайн обложки, иллюстраций и оформление.

Содержание

«Корпоративный вестник»	6
Назначение	6
Про разговорный стиль	9
Гармония слов	13
Заслуженное доверие	16
Объявление	18
Нечитаемые тексты	20
О ведении переговоров	23
Про равноправное общение	26
Достижение цели	28
«Глас Города»	32
Смена обстановки	32
Экстренные действия	35
О страхе смерти	37
Служебный долг	39
Ненормативная лексика	42
Стратегия	45
Неформальная переписка	49
Тотальная критика	53
Неловкий момент	59
Неоднозначная позиция	64
Зачем мы пишем	68
Заклятые друзья	72

Серьезный разговор	77
Черный пиар	83
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Редакторская правка

Маша Кубикова

© Маша Кубикова, 2026

ISBN 978-5-0069-9848-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Корпоративный вестник»

Назначение

— Слышали, кого новым главредом назначили?

— Кого?

— Кубикову.

— А кто это?

— Толком никто не знает, она пять лет просидела в славяно-филологическом журнале.

— И сразу к нам, в главреды?

— Значит, такие связи.

— Какие? Постельные?

— Все может быть.

— Так как ее зовут?

— У Наташи надо спросить, она ее личный ассистент.

— Наташа, как Кубикову зовут?

— Мария вроде бы.

— А дальше?

— Не знаю, Кубикова и все.

— Не хорошо так, без отчества. Все-таки славянской филологией человек занимался. Точно не знаешь?

— К сожалению, нет.

— Значит, будет «Марь Кубиковна».

— Марь? Как болото?

— Очень символично. В конце концов, наш «Корпоративный вестник» болото и есть.

Корпоративный вестник

№33 от 2 августа сего года

НАЗНАЧЕНИЕ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Этот день еще долго будет жить в наших сердцах. Начиная с эпохи римских экспансий, со времен викингов, не забыв упомянуть Вильгельма Завоевателя, великопешной атаки боевых слонов Ганнибаала, того, который не Лектор, но по-своему велик. Минувя все эти события, покрытые пылью истории и дошедшие до наших дней исключительно благодаря газетной хронике будь то вырезанные в камне писмена, отмеченные рунами закорючки и окаменелый след мамонта и прочее неподвластное уму простого смертного, но обремененное смелой мыслью своего создателя...

Так, о чем это я? Ах да. Этот прекрасный весенний день. Ибо он воистину прекрасен, он воистину весенен, несмотря на то что наступила в середине лета в период затяжных дождей. В этот озаряющий душу день, дарящий свободу духа, смелость идеям, ревматизм спине, да и чего там греха таить, грешным мыслям. В этот самый день по полу редакции впервые прошла нога нового главного редактора М.Э.Кубиковой.

Мы можем долго и бессмысленно говорить о ее достижениях. Созерцать ее тонкие и толстые черты, делать бескомпромиссные выводы по поводу особенностей ее физиогномики, по поводу широты ее души и бедер, по поводу едва дрожащих пальцев, в тот момент, когда она принимает важные решения. Но истинное ее лицо можно видеть только по делам ее.

Каковы же дела Кубиковой? Каждый в редакции задается этим вопросом, но не каждый может ответить. Между тем ответ есть, он существует, он скрыт от людских глаз, он занавешен покровом тайны, он откроется не многим. Но не нам.

Будет ли ее приход восхождением вверх или крахом, решит время. Будет ли она казнить или миловать, решит она сама. Прогнуться ли под ее волевой рукой или дать себе шанс на спасение, каждый выберет для себя самостоятельно.

Мы на пороге новой эпохи, новой эры. Свет еще не видывала подобного. А если видывал, то позабыла. А позабыла бы, если бы развиедал? Столько тонких материй, сложных философских линий исходит из одного назначения, одного героя, одного центра человеческой мысли. Да и есть ли право у одного единственного индивидуума облачаться таким покровом власти, влияния? Что, если в сердце его живет не справедливость, не истина, как мы ее понимаем, но ложь, гнев, жестокость, жажда наживы?

Так сплотимся же вокруг нее, возьмемся за руки, чтобы быть вместе. Удержимся в едином порыве, если сила ее личности обернется против нас.

Латынский А.И.

СРОЧНАЯ ПСИХИАТРИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ

КРУГЛОСУТОЧНО
КРУГЛОГОДИЧНО
АНОНИМНО

Адрес: д.2 Большой Круг, вход со двора

Про разговорный стиль

— Машенька Кубиковна, пожалуйста, большое человеческое пожалуйста! Перестаньте вы нести эту пургу. Говорите нормальным естественным языком. Ну, посмотрите хоть блогеров, что ли, у них всегда в ходу современный сленг, поучитесь у по-настоящему популярных людей.

— Что ты мне ересь какую-то присоветовать решила? Или я скудоумием отличилась, или ты зазря мой хлеб ешь! Да, я отчасти ретроград. А тебя наняли не для того, чтобы меня жизни учить, а на черные работы! Разбирать и отделять!

— Бумаги?

— Зерна от плевел, бедная ты моя.

— Вы поймите, поближе надо быть к людям, к повседневной повестке.

— У меня на повестке отправка выпуска в печать. За последние двадцать лет сотню раз жаргон сменялся. И это только среди отроков, что уж про ученых людей говорить. И ты хочешь, чтобы я под них подстраивалась, все эти вот мерзкие словечки заучивала?

— Нет в них ничего мерзкого, зато сразу видно, что вы на одной волне.

— Молодая ты еще, Наташа, зеленая, можно сказать. Шишка незрелая, с твоего позволения. А ты знаешь, как сложно перестать говорить «в натуре»? А как заменить его

на «реально»? А теперь вот на какой-нибудь «треш»! Это ты еще не наигралась, а я помню времена, когда слова «прикол» не существовало. И обходились как-то.

— Нельзя быть такой неуступчивой, Машенька Кубиковна!

— Вот смотрю я на тебя и не понимаю, почему вербальное насилие над людьми не запрещено. Имя мое выучить не можешь, а все туда же — учишь! Для кого большими буквами на стене написано: «Мария Кубикова»?!

— Это все неважно, когда надо будет, я все правильно скажу.

— Так уже надо, недооцененный кадр моей редакции, уже пора, ущербная ты моя!

— Вот вы опять! «Ущербная»! Мне даже не обидно. Ну, скажите хоть «лошара», или «душила», «токсик», в конце концов. Вот что! Вам надо материться начать! Публично.

— А я смотрю, роняли тебя в детстве! Что ты про русский мат знаешь? Это вы бездумно его используете, а в нем сила скрытая, сильная, страшная!

— Какая же?

— Плодородная! Все слова и так и этак на одно и то же сводятся. Пользуетесь где ни попадя, потом рождаемость у вас неконтролируемая.

— То есть если вы крепко так, хорошо выругаетесь...

— Будет считаться, что я ищу отношений. А мне такие приключения ни к чему.

— Так вот почему, оказывается...

— То-то и оно.

Личное дело

Кубикова
Мария Эдуардовна

Должность: главный редактор газеты

Образование: высшее филологическое

Предыдущее место ~~работы~~: *СССР*
Славяно-филологический научный
журнал

Семейное положение: трансформируется

Характеристика: ответственный и
трудолюбивый работник.

Особые черты: приверженность к
сложным литературным формам

Гармония слов

— Наташа, садись и пиши: «Облака тяжелой серой массой надвигались на город. Несли в себе стихию разрушения, бури и мрака. Кто-то погибнет сегодня. Кто? Нам неизвестно. Мы — тени, расплывшиеся под тяжестью ветра, мы — души, прибитые к земле градом, мы — тлен». Записала?

— Да.

— Далее: «Возникнув из мрака, мы стремимся во мрак. В поисках смыслов мы тонем в грехах».

— Стихами писать?

— Нет, так не годится. Пиши: «Мы созданы мраком, чтобы он поглотил нас в конце, за те грехи, что мы свершили. Мы боимся его и призываем снова»...

— Зачем?

— «Чтобы он выбрал и покарал одного из нас, самого не достойного этой брэнной жизни. Чтобы те, кто останется, ждали своего часа, собирая жалкие крохи с полей, прижавшись друг к другу и дрожа от холода в ночи. Проклятое племя, обреченное на прозябание в этом мире и загробном».

— Все?

— Пока да. Покажи, что получилось. Это что?

— Конспект.

— Ты должна была просто записать мои слова!

— Машенька Кубиковна, я не стенографистка, я только

конспекты умею писать.

— Мне-то за что эти кары небесные?!

— Ну, что там Кубиковна сказала?

— Сказала, премии не будет, кого-то уволят и вообще скоро нам зарплату урежут.

— Так и сказала?

— Буквально да. Вот смотри, за ней записывала.

Личное дело

Наташа

Должность: личный ассистент

Образование: высшее. Менеджмент

Семейное положение: не замужем

Характеристика: ответственный
работник

Особые черты: умеет работать в
коллективе

Заслуженное доверие

— Наташа, дорогая, зайди ко мне.

— Машенька Кубиковна, что-то случилось? Что я не так сделала?

— Ничего.

— Тогда за что вы так со мной?

— Как?

— Ласково. Это, как вы там говорите, затишье перед бурей? Уволить меня хотите?

— Уволить?

— А я, между прочим, ответственный работник.

— Наташа, я и не думала. Мне нужно кое-что прояснить, и только.

— Если вы про то, кто табличку на вашем кабинете подписывал, то это не я. Это Сергей. Я говорила, что надо аккуратно писать «Кубиковна» вместо «Кубикова», а он не слушал, вот криво и вышло.

— Хорошо, что еще?

— Кресло ваше скрипеть начало после того корпоратива, на который вы не пришли. Ребята на нем по коридору катались.

— Интересно. Далее.

— Еще вашу кружку хотели изнутри слабительным намазать, но я не позволила и даже на всякий случай помыла ее.

— Наташенька, за это я тебя и ценю.

— Правда? И вы не подозреваете меня ни в чем?

— Ну что ты. Мне и в голову бы не пришло. Однако мне все еще нужна твоя помощь. Скажи мне, что такое «скуфья кринжовая»?

— Ой, откуда вы это?.. Так называют... ну, знаете, очень консервативных людей.

— Консервативных?

— Да, тех, кто придерживается своих убеждений, привычного образа жизни.

— Ты хочешь сказать, людей с принципами? Старой закалки?

— Да, что-то вроде этого.

— Спасибо, Наташа, ты мне очень помогла.

Объявление

Ведомые мною труженики, подответственные мне стяжатели, тунеядцы и халтурщики! Иными словами, все, кто с протянутой рукой дважды в месяц идет ко мне на поклон. Настало вам время обратить свои взоры внутрь себя и узреть всю глубину своего падения. А узрев ее, найти в себе силы, вострепнуться, скинуть с себя бранные мысли и вспорхнуть ввысь птицей, несущей свободу, вдохновение и любовь. Любовь к своему делу, побуждение к труду. Застану ли я этот полет? Закроет ли бесконечный поток крыльев небо, или жалкие пара-тройка пичуг устремятся ввысь? Ведь там охваченных восторгом созидателей ждет истинное благоденствие за труды их, за деяния их. Да будет так.

_____ Кубикова М. Э.

Сего дня августа месяца.

— Что это Кубиковна опять отчебучила?

— Кажется, все, помирает. На небеса хочет попасть.

— Кубиковне самое место в чистилище.

— Наташ, ты одна ее понимаешь, что она имела в виду?

— Что тут непонятного? Кто будет хорошо работать, того она выделит и наградит.

— После смерти? Наследника назначит?

— Почему наследника?

— Так тут про полет в небо, восторг... А она замужем?

— Ты зачем интересуешься?

— Просто подумал, вдруг ей наследник нужен, она дама одинокая. Я в каком-то смысле тоже.

— Я одно знаю: Кубиковна умирать не собирается. А работать придется всем, даже наследникам.

Нечитаемые тексты

— Оборzenie икрой метающей судмедлаборатории.

— Обрамление к моим икающим саудиториям.

— Оскорбление клюет питающий жури... жузи...

— Хватит. Достаточно. Теперь вы видите, что так работать невозможно? Для кого мы закупили все эти новенькие печатные машинки? Для меня? Или, может быть, для красоты поставили? Сколько еще я должна ломать глаза, пытаюсь прочитать нечитаемое? Или вы специально левой рукой пишете?

— Машенька Кубиковна, было срочное задание, я торопилась.

— Подожди, Наташа, ты молодец, не грусти, душа моя. Сейчас не о тебе речь. А о тех, кто каждый день мне эту абракадабру приносит, а сам прочитать не может. Ну что, поняли теперь, каково это?

— С позволения сказать, Мария Кубиковна, главный редактор должен различать любой вид почерка.

— Аркадий, у вас наконец-то появилось собственное мнение? Или вы снова его у конкурентов списали, как статью об эффективности рабочего колеса на хомьях в противовес электрическим насосам? Анализируйте перед тем, как возражать!

— Я только хотел сказать, что эти печатные машинки, как

вы их называете, требуют значительных усилий, целый день работы на этой дьявольской технике напрочь убивает маникюр.

— Аркадий, так вы печетесь о своей внешности больше, чем о гонораре за статью?

— Я за девушек переживаю. А вы, Мария Кубиковна, нарочно задвигаете меня и не берете мою работу в публикацию.

— Аркадий, я изучила ваше «Обращение к моей читающей аудитории». Много пафоса, мало смысла, переделайте и печатный текст положите мне на стол.

— Так вы все-таки смогли прочитывать?

— Я — да, пожалуйста наборщиков. А всем остальным сообщая: должность дворника все еще вакантна, а я, как известно, предпочитаю нанимать проверенных людей, таких как вы. Потенциал к этой профессии есть у каждого. Покажете мне еще раз, что этого достойны, и я вас мигом назначу. Все свободны.

— Почему мы вообще должны печатать на машинке?

— Кубиковна говорит, что так мы точнее подбираем слова.

— А тексты наполняются болью и страданием.

Личное дело

Аркадий

Должность: журналист

Образование: неоконченное высшее.

Философия

Неоконченное высшее. Международное право.

Неоконченное высшее. Журналистика.

Неначатое. Ландшафтный дизайн

Характеристика: незаконно изъята

Особые черты: безапелляционность
беспринципность, безинициативность,
беспрецедентное владение сложными
лингвистическими конструкциями

О ведении переговоров

— Я тебя не подведу. Ты никогда не пожалеешь о том, что твой выбор пал на меня. Сейчас тебе страшно, трепет охватил твое сердце, и ты замираешь в испуге. Но постой, оглянись, и в моих глазах ты увидишь, что все было не зря. Что в их глубине — твое отражение, счастливое, безмятежное.

Действительно, словам не всегда стоит верить. Но сердце не способно обмануть. Пусть будет нелегко, пусть будут опускаться руки. Нам придется пройти этот путь. И только вместе мы станем сильнее. Только так сможем преодолеть все преграды.

Знаю, ты помнишь то время, когда мы не могли положиться друг на друга. Все шло против нас. Мы чуть не стали врагами. Будто само небо нас прокляло. Но то была буря, за ней пришло затишье, и вот сад нашего будущего готов распуститься. Скажи, что ты со мной. Скажи, что готов взять меня за руку. Вот она, моя ладонь, жаждет твоего тепла как подтверждения искренности, поддержки и единения.

— Кубиковна во сне разговаривает? Что у нее там в кабинете происходит?

— Нет, Аркадий. Похоже, кто-то ее подцепил на крючок...

— Ну-ну, Сережа, есть еще у тебя шанс стать ее наследником, не переживай.

— Так она там не с мужчиной?

— Нет. Она готовится к встрече со спонсорами. Нам очень нужны рекламодатели, вот и старается.

Личное дело

Сергей

Должность: журналист

Образование: высшее. Журналистика

Семейное положение: не женат

Характеристика: отсутствует

Особые черты: обаятелен

Про равноправное общение

— Доброе утро всем, чудесного дня! Наташа, какое изумительное платье, помню, во времена моей юности такой шифон было не достать. Давай сегодня я сама сварю нам кофе. Я заглянула в кондитерскую и взяла эти маленькие разноцветные пирожные.

Аркадий! Чем сегодня меня порадуете? Внедрение нанотехнологий в производственную среду? Немного архаично, но так интригующе. Ваши связи позволяют нам спрогнозировать появление этого же материала у конкурентов?

— Мы первопроходцы, Мария Кубиковна.

— Блестяще, Аркадий. Продолжайте в том же духе. А что это за шум? Сергей, это вы разбили стакан?

— Извините, пожалуйста, я не хотел.

— Ну, что же вы так стушевались, Сергей. Быть предвестником счастья должно быть лестно. Ведь посуда именно для того и бьется! Что это у вас на плече? Какая-то ниточка? Позвольте, я поухаживаю за вами. Вот так гораздо лучше. Я отправляюсь к себе в кабинет, у меня сегодня море важных звонков. Как это прекрасно, что я могу во всем на вас положиться. Приступайте, дети мои. Нам предстоит покорить общественность.

— Наташ, что опять произошло? Что с Кубиковной? У нее кто-то появился?

— Сережа, я начинаю всерьез полагать, что ты решил за ней приударить.

— Она впервые со мной такая ласковая. Да что со мной — со всеми. Даже с Аркадием. Она же его терпеть не может.

— Все просто. Кто-то настучал генеральному, что Кубиковна превышает должностные полномочия и дискредитирует работу сотрудников. Все выходные работали мастера, установили скрытые камеры по всему офису, чтобы проверить информацию.

— А это законно?

— Разумеется, нет, но если никто об этом не знает, то не страшно.

— Выходит, Кубиковна знает?

— Все знают! На то он и секрет, чтобы его друг другу рассказывать.

— А кто на Кубиковну донес?

— Как кто — Аркадий, конечно.

— Ты уверена?

— Да, меня просили расшифровать его заявление. Ужасный почерк.

— Думаешь, Кубиковна знает?

— Знает, это же секрет!

Достижение цели

— Наташа, почему грустишь? Кубиковна чем-то озадачила?

— И да, и нет. Руководство за нас взялось. Прислало анкеты, будем заполнять. Вот решила вопросы прочитать, даже не знаю, что ответить.

— Для всех прислали?

— Да. Сейчас распечатаю и пойду по отделам раздавать.

— Дай посмотреть. Фамилия, имя... Это понятно. Возраст, семейное положение. Ничего такого нет.

— Это общий раздел, а там дальше интереснее, на второй странице смотри.

— «Цели в жизни», «кем вы себя видите через десять лет»

— это просто. «Если бы вас вызвали в кабинет руководителя и сказали, что увольняют, какими доводами вы убедите начальника этого не делать?»

— Вот-вот, здорово придумано, да? Мы им сейчас все напишем, а они будут готовить контраргументы, когда захотят от нас избавиться.

— Наташа, я бы на твоём месте не расстраивался. Ты молодая, но с опытом работы и образованием. Я бы лучше за Кубиковну переживал.

— А за нее зачем? Она непотопляема.

— Ты сама подумай. Она себя через десять лет разве что

на кладбище видит. На ее место желающих очередь, если начальство решит ее уволить, она рта открыть не успеет.

— Как ты ее на тот свет спроваживаешь, она, между прочим, за нас борется, защищает.

— Это просто ты у нее в любимчиках. Знаешь что? Я так и напишу: «Вижу себя главредом через десять лет».

— А что будешь писать про увольнение?

— Дай подумать... А кто будет анкеты проверять?

— Кадровики.

— Тогда напишу, что увольнять ценного сотрудника из-за личной неприязни главреда неэтично.

— Это уже Аркадий написал, лучше не повторяться.

— А сама Кубиковна что напишет?

— У руководителей другие анкеты. У нее вопрос, что она предпримет, если завтра наша газета закроется. А я знаю, что она тут же новую создаст.

— В ее возрасте начинать все заново?

— А что? Ты бы за ней не пошел? Здесь только на ней все держится. Посмотри, мы сами начали читать то, что пишем. Когда такое было?

— И наследство сразу возрастает.

— Вот именно.

— Наташа, ты здесь?

— Да, Машенька Кубиковна.

— Наташа, дорогая, подготовь мне, пожалуйста, подборку статей главного редактора за все выпуски газеты преды-

дущего квартала. Мне нужно составить бизнес-модель нового издания. Сергей, и вы здесь. Это по заданию высшего руководства. Вы очень кстати, соберите и проанализируйте обращения в нашу газету, которые не нашли отклика в печати, также за прошедший квартал. И будьте добры поручить Аркадию собрать информацию от конкурентов о наиболее острых темах современной журналистики, на которые намеренно закрывают глаза.

— Понял вас, Мария Кубиковна.

— Да, вот еще что. Раз уж ко мне привязалось это «Кубиковна», как думаете, хорошо ли будет звучать такой заголовок — «Независимая Кубиковна»? Хотя нет, это как будто отсылка к личной жизни. «Независимое мнение Кубиковны»?

— Может быть, «Ответ Кубиковны», раз уж вы решили собрать все замалчиваемые темы?

— Нет, тут вначале как будто должен быть поставлен вопрос. Скорее, это должно быть «Голос Кубиковны».

— Может быть, «Кубиковну не заткнуть»? Немного дерзко, но ярко.

— Наташа, вы меня удивляете. Пока остановимся на «Кубиковна даст ответ». Да, пока так. Возвращайтесь к своим делам.

— Похоже, руководство подкинуло Кубиковне удачную идею.

— Похоже. Ну так что, Сереж, пойдем за ней?

- Шутишь? Я за Кубиковной до гроба.
- Хочешь сказать, на край света?
- Нет, я все правильно сказал.

«Глас Города»

Смена обстановки

— Я не понимаю, зачем мы притащили сюда это барахло?

— Сережа, это символ! Можно сказать, наша визитная карточка.

— Наташа, это памятник. А памятники перевозят подъемными кранами, а не журналистами.

— Это просто старинная печатная машинка. Кубиковне она дорога как память.

— Память шесть человек несут к могиле и потом вместе опускают, а я один.

— Опять твои похоронные мысли.

— Дети мои, не все еще? Давайте поднатужьтесь, скорее все внесем, скорее расставим и начнем работать. На календаре двадцатое число, до конца месяца нам надо подготовить материал.

— Машенька Кубиковна, так мы даже столы не расставили, и рабочие не пришли.

— Наташа, милая, ну какие рабочие? Мы теперь независимая газета без репутации, спонсоров и давления сверху. Мы еще полгода будем делать все своими руками.

— А что потом? Мария Кубиковна, потом мы как-то рас-

правим крылья?

— Сергей, какой удачный оборот речи. Разумеется, расправим, если не подпадем под какую-нибудь статью, в лучшем случае административную, в худшем — уголовную. Предупреждаю, на юристов у нас денег нет. Я буду у себя, мне надо договориться с типографией.

— И упорхнула в свое логово...

— Сережа, ну зачем ты так? Первое время всем будет непросто. Потом расставим все по местам, наладим быт. Кубиковна переманит рекламодателей. Ты будешь писать не хвалебные отзывы, а правду как она есть. Я фикус в углу поставлю. Все наладится.

— Легко тебе говорить, ты ассистентка, а я буду на передовой нашей газеты. Вся черная работа на мне, все риски.

— Так ты жалеешь? Может, вернуться хочешь?

— Некуда возвращаться, мое место Аркадию отдали. Он меня больше всех подстрекал все бросить, а сам мою работу забрал. Вчера вечером звонил, советовался, как лучше написать. Хватило же наглости!

— Поэтому Кубиковна его и не любила.

— Сергей, Наташа, все бросайте! Отправляйтесь на цветочный рынок и к рюмочной в сквере у театра.

— Машенька Кубиковна, я тоже должна ехать?

— Разумеется, да! Никаких возражений.

— Полагаю, Наташе лучше отправиться за цветами, а я, так и быть, в рюмочную.

— Нет, поезжайте вместе. Сергей, поможете Наталье. Наталья, проследите за... проследите за работой Сергея, вам будет полезно.

— Машенька Кубиковна, но я не журналист, я не умею.

— Душа моя, небо посылает тебе знак. Ухватись за эту возможность.

— Но...

— Но мне нужны сейчас не только журналисты, но и уборщица. Ты свободна в своем выборе.

— Благодарю за доверие, Машенька Кубиковна, и право выбора.

Экстренные действия

— Срочно выезжайте, срочно!

— Наташа, ты можешь внятно сказать, что случилось?

— Некогда, полиция уже здесь, вешаю трубку.

— Эта молодежь совершенно не умеет общаться. Стоило отправить их на маленькое задание, и они уже успели напортачить. Ну что могло случиться на цветочном рынке или в той же рюмочной, где, как мне известно, собираются криминальные элементы самого низкого пошиба, торгуют краденым, подсыпают в напитки нечто вроде клофелина? Ах, моя молодость, живая, страстная, энергичная!.. Из этой рюмочной я вынесла свою первую большую статью. Такая возможность! И еще долгие месяцы меня преследовал какой-то страшный тип, пока его не посадили. После этого стало не так безопасно возвращаться домой по ночам. Любопытно, что с ним стало... А теперь я отправляю их вдвоем, и они внезапно попадают в передрагу.

— Машенька Кубиковна, вы на связи? Мы в больницу едем. Кровотечение. Туда приезжайте.

— Наташенька, какая больница? Трубку бросила. Ну вот, уже и скорая, и полиция. Разве такое было возможно раньше, тогда, когда мир был светлее и благозвучнее? Это теперь мой уход из крупного издательства кажется трагедией, а тогда я только мечтала о своем кабинете и новенькой пишущей

машинке. Была юной и наивной, как эта самая Наташа, перед которой сейчас открыты все двери.

— Машенька Кубиковна, возвращайтесь обратно. Швы наложили, угрозы жизни нет.

— Наташа, я очень рада. Отправляюсь обратно и жду тебя в своем кабинете с объяснениями. Да-да, это необходимо. Вешаю трубку. Воистину, спешить должны медики и пожарные. Хорошо, что я не вызвала такси. Вся эта суета никогда не приводит к добру. Итак, статья: «Поножовщина в центре города, ранен известный журналист». Сейчас Наташа добавит мне ярких деталей, и первый выпуск газеты разлетится в один миг.

О страхе смерти

— Как думаете, ему больно?

— Нет, Наташа, теперь ему хорошо.

— Машенька Кубиковна, вы что же, думаете, он умер?

— Ну что ты, Наташа, нет, конечно. Хотя я не вижу, как он дышит, и не двигается совсем, и бледный, как покойник.

— Мне страшно, давайте врача позовем.

— Ну что ты? Он потерял много крови, сейчас у него крепкий восстановительный сон. Вот и капельница стоит. При потере крови только сначала плохо, а потом хорошо.

— Откуда вы знаете?

— Я ведь тоже журналист, дорогая моя. И я когда-то так же лежала, не справившись с заданием. Подвела редакцию. Помню, так расстроилась, когда очнулась, думала, лучше бы умерла. Меня даже премии лишили.

— Как же, вы чуть не погибли и с вами так? Это несправедливо.

— Ну-ну, где ты видела справедливость? На первом месте у журналиста что?

— Истина?

— Вовремя сданный материал, а уже потом истина.

— Машенька Кубиковна, а тяжело умирать?

— Пожалуй, да. Очень неприятно. Чувство беспомощности, головокружение накатывает, тошнота. Порой не можешь

рукой пошевелить, и жажда мучает.

— И вся жизнь перед глазами?

— Какая там жизнь? Думаешь: вот бы это все закончилось. А потом сознание теряешь, темнота и беспмятство. Вот тогда наступает настоящий покой. Тогда можно отоспаться и ничего не болит. И от тебя уже ничего не зависит.

— А потом появляется тяга к жизни?

— Нет, потом вдруг просыпаешься, и как только осознаешь, что проснулась, начинает все болеть. И опять слабость, тошнота, головокружение.

— Ужасные ощущения.

— Не совсем. Пока лежишь, еще хорошо. Но вот если рядом никого нет, если не в больнице очнулась, а где-нибудь на холодном полу одна в квартире, и никто тебе не поможет, не укроет и не подаст воды, вот тогда по-настоящему плохо. Превозмогаешь боль, усталость и ползешь куда-то на кухню, там противная вода в чайнике, но тебе все равно, ты пьешь и после падаешь на кровать, надеясь забыться. И согреться. Очень сложно согреться. Вот это хуже.

— Машенька Кубиковна, так сколько же раз вы умирали?

— Много. Но всегда не до конца.

Служебный долг

— Мария Кубиковна, я не могу выйти на работу, у меня ножевое, швы даже не сняли.

— Сергей, у вас ножевое в районе печени, а не правой руки. Ваш приятный желтый цвет лица говорит о том же. В конце концов, попросите Наташу за вами записывать. Нет-нет, ничего не хочу слышать. Воспользуйтесь своим положением! Пишите о тех чувствах, что вас одолевают, добавьте надрыва. Наташа, ручка у вас есть? Вот, возьмите блокнот. Я отправляюсь в редакцию, к вечеру жду наработки.

— Сережа, давай попробуем, ты же знаешь, ей нужен материал, а нам — зарплата.

— Почему я должен гибнуть ради газеты, которая еще даже ни разу не издавалась?

— Сережа, о чем ты? Мы стоим у истоков нового великого дела. Разве это не прекрасно?

— Наташа, посмотри на меня, я есть и пить не могу, а мне еще за квартиру платить. И все из-за этого глупого репортажа.

— Не обижайся, конечно, но, если ты надиктуешь мне текст, а потом умрешь, твоя смерть будет не напрасной.

— Ты становишься такой же, как Кубиковна.

— Учитывая то, что ты хотел на ней жениться, это звучит как комплимент.

— У тебя тоже есть наследство?

— Не то чтобы...

— Тогда я не вижу сходства. Пиши: «В самом сердце города, несмотря на значительные вложения муниципального бюджета, улучшения инфраструктуры и работы по благоустройству, разверзлась клоака».

— Не слишком образно?

— Кубиковна сказала писать на эмоциях. Пиши: «Отголоски темных времен, порожденных насилием, бедностью и социальной несправедливостью, нашли свое убежище в подвале дома на Бренной улице. Маленький тихий кабачок, должный своим уютом и уединенностью привлекать туристов и завсегдатаев, обернулся капканом для наивного жителя, ответственного работника и порядочного гражданина. Подобно древним героям, бесстрашно спускающимся во врата Аида, попадают в это чрево порока беспечные люди. Пусть вас смутит недобрый взгляд бармена, злобный оскал официанта, вид сколов на посуде и едкий запах фальсификата, царящий в воздухе. Твердая рука протянет вам стакан, и грязные пальцы положат сверху соленый огурец — комплимент от заведения, чтобы скрасить вкус отравы. После этого вы не владеете собой. Как гарпии, слетятся желающие поживиться вашим кошельком, и горе тому, кто отважится защищаться. Старуха шмякнет сырую тряпку на пол, и грязная вода смешается с вашей кровью. Кто захочет испытать себя на прочность? Кто не дорожит своей жизнью? Идите,

там вы обретете ценность прожитых минут, если только не станет слишком поздно».

— Сerez, вряд ли Кубиковна спустит тебе с рук то, что ты решил там выпить.

— Наташа, ты не понимаешь. Это обязательное условие, чтобы слиться с толпой.

— Но ты же сам первый бросился в драку.

— Это неважные детали, не стоит их упоминать.

— Там не было старухи. Мы же должны писать правду.

— Наташа, правда в чистом виде никому не интересна.

— А ты не думаешь, что подтолкнешь людей прийти туда и увидеть все своими глазами?

— Пусть лицезрят место гибели журналиста.

— Ты все еще жив.

— Надолго ли...

— Все это отдает какой-то кубиковщиной. И ты еще говорил, что это я становлюсь на нее похожа.

— Мы все теперь ее рабы.

Ненормативная лексика

— Машенька Кубиковна, спасите меня!

— Что случилось, Наташа? Только не говори, что еще одно задание провалено.

— Хуже, все намного хуже.

— Дорогая моя, что могло случиться на официальной встрече главы города? Расскажи мне все.

— Дело было так. Я приехала, показала пропуск, мои документы проверили и пустили внутрь. Журналистов было немного, уж и не знаю, как вы добились того, чтобы нам дали освещать эту встречу.

— Когда-нибудь я научу тебя делать невозможное, но продолжай скорее.

— Так вот, мэр нашего города вышел встречать мэра соседнего города.

— Напомни, откуда была делегация?

— Из Лутовска.

— Хорошо. Далее.

— Все излучали сдержанную радость и гостеприимство. Но внезапно мэр Лутовска споткнулся и очень некрасиво растянулся на ковре прямо у ног нашего мэра. А потом последовали ругательства, возмущения. Он сказал, что встреча плохо организована, наш мэр не остался в стороне, тоже наговорил всякого. Это было ужасно. Все на глазах репорте-

ров. Что же они теперь напишут?

— Не понимаю твоего негодования. Они напишут, что встреча прошла менее продуктивно, что ожидания от нее были завышены.

— Но это же неправда.

— Полагаешь? А я не вижу расхождения. Так это тебя так расстроило?

— Нет. После того как охрана развела мэров в разные стороны, репортеров и журналистов стали выпроваживать. Меня тоже довольно грубо выпихнули из зала. Но уже на улице догнали и попросили вернуться. Я так и сделала. Меня усадили за стол, предложили кофе и очень пространно начали говорить о том, как важна независимая пресса.

— Прекрасно, Наташенька, это то, что нам надо. Эксклюзивный материал, да еще услуга, оказанная администрации города.

— Вы не понимаете, Машенька Кубиковна! Они заставляли меня сделать такое! Такое!

— Ну-ну, успокойся, выпей воды. Что же они заставляли тебя сделать?

— Они сказали, чтобы мы опубликовали все те слова, что наш мэр сказал мэру Лутовска.

— Что же он такого сказал?

— Много чего, но ни одного цензурного слова. Машенька Кубиковна, я не могу такое написать. Меня родители из дома выгонят, меня замуж никто не возьмет.

— Не плачь, моя дорогая. Покажи, что ты уже написала. Так... Понимаю. Весьма образно.

— Что же делать?

— Воспользоваться нашим главным умением — владением слова. Вот смотри: «тупая башка» легко заменяется на «благородный профиль римского легионера периода поражений в британской кампании». А здесь мы напишем про низкую вероятность соприкосновения чресл в диалоге на невербальном уровне переговоров. Далее: «Симпатии обоих первых лиц городов распространялись шире их деловых интересов, но также на семью и личные качества каждого. Итог переговоров привел к более детальному обсуждению назревших вопросов и предложил различные варианты развития отношений вплоть до максимального тесного взаимодействия, в котором наш дорогой мэр будет занимать доминирующую позицию ввиду готовности взять под свой контроль решение всех возможных нюансов и преодоления препятствий».

— Машенька Кубиковна, но как к этому отнесется мэр Лутовска?

— Олег Иннокентьевич? Дорогая моя, он даже не поймет.

— А наш?

— Валерий Леонидович? Поверь, как раз он оценит.

Стратегия

— Сережа, ты уже вернулся? Как твое самочувствие?

— Я просто решил, что сюда идти ближе, чем домой. Сегодня меня выписали из больницы. Я без гроша в кармане.

— Бедненький. Хочешь, я провожу тебя в обеденный перерыв?

— Не надо, Наташа. Я не выдержу пути туда и обратно. Мне звонил хозяин квартиры, он выселяет меня за неуплату. Если ты действительно хочешь помочь, забери мои вещи, там всего один чемодан. Сможешь?

— Конечно, я тебе помогу.

— Какие у нас новости в редакции?

— Ты не представляешь! Перед самой сдачей первого выпуска в печать вдруг появился Аркадий! Пришел с повинной головой, долго о чем-то беседовал с Кубиковной, сыпал комплиментами, разве что об ноги ее не терся, как кот. Потом они вместе вышли из ее кабинета, Кубиковна объявила, что Аркадий наш ведущий журналист, даже отдала ему твой стол!

— Хочешь сказать, он выжил меня с работы? Это после того, как я жизнью рисковал ради этой проклятой газеты?!

— Не совсем. Слушай, что было дальше. Кубиковна закидала его заданиями. Я сильно не вникала, у меня теперь тоже много работы. Пишу заметки, рекламные статьи...

— Кубиковна сделала из тебя журналиста?

— А как иначе, ты же заболел. Кто-то должен был этим заняться. Так вот, Аркадий три дня писал что-то там про... Как же это? Сейчас зачитаю, я записывала: апофатический тренд на деструктивность в формировании молодежного стиля в одежде, потом про дефицитарное наполнение городской казны ввиду злоупотребления властью в рамках проекта подводного строительства туристической базы федерального значения и пандемийные страхи людей с деменциальными изменениями сознания на фоне неконтролируемого роста числа диких белок в городском парке.

— Наташа, ты серьезно? Про это вышел наш первый выпуск? Все кончено, мы погибли. У меня никогда больше не будет дома, горячего обеда и чистого белья.

— Сережа, ты преувеличиваешь! Кубиковна гениальна как никогда! Аркадий три дня писал эти статьи, потом редактировал, правил, снова редактировал. Наконец они были готовы, Кубиковна согласовала, и что ты думаешь?

— Отправили в печать?

— Нет, Аркадий исчез вместе со статьями! Он снова украл чужой материал, только в этот раз у нас самих!

— То есть ты хочешь сказать, что он выманил у Кубиковны все ее самые горячие темы и отнес конкурентам?

— Именно! Они выпустили тираж на два дня раньше нашего.

— Кубиковну удар хватил?

— Отнюдь! Она была очень довольна. Ты подумай, она сама подсунула разгромный материал конкурентам! Тираж скупили и теперь серьезная и уважаемая газета, «Корпоративный вестник», в котором мы с тобой раньше работали, превратилась в каламбур. Кубиковна так смеялась. Она час не могла остановиться.

— Гениальна женщина. Так унижить оппонента мог только в высшей степени профессионал. А как же наш выпуск?

— О, это наш личный триумф. Статья о нападении на журналиста на первой полосе, кадры с места происшествия, комментарии властей, полиции, репортаж из больницы. Дальше Кубиковна внесла рекламный блок, это мое собственное детище. Денег за него не дали, но теперь у нас кофейный безлимит на полгода вперед в заведении напротив. Полюбуйся, как я описала это милое местечко.

— Да-да, у тебя есть талант, это надо признать.

— А дальше — больше! Политически распри главы города. Этот материал вывел нас на новый уровень. Нам уже дали звание «Голоса правды», но пока неофициально. Дальше было много всякой мелочи. Но теперь у нас море заказов на рекламу! Кубиковна сказала, что это самый стремительный взлет в мире журналистики!

— Думаешь, нам заплатят за этот месяц?

— Не думаю, Кубиковна обустроила переговорную на эти деньги.

— И как мы будем выживать?

— О, она подумал о нас, мы обеспечены не только кофе, но и дешевыми обедами из столовой в подвальчике на углу Березовой и Мирной улицы.

— Это хотя бы съедобно?

— Почти по-домашнему, но я предпочитаю приносить с собой обед из дома, поэтому могу поделиться с тобой своей порцией. Ну что, ты чувствуешь подъем в нашем деле?

— Подъем — это последнее из моих чувств. Одна-единственная новость успокоит меня.

— Какая?

— В переговорной есть удобный диван?

— Есть.

— Прекрасно, я хотя бы решил вопрос с ночлегом.

Неформальная переписка

— Наташа, зайди ко мне.

— Что такое? Машенька Кубиковна, что-то не так?

— Разумеется, не так, Наташа. Что такое ты мне передала?

— Так это же ваше задание, взять интервью у известного рэпера. Он не захотел со мной встретиться, сказал, что все вопросы решит со мной в переписке. Мы долго и подробно общались, он очень эмоционален и открыт. Мне кажется, это то, что нам надо, если мы хотим говорить о медийных личностях с таким большим охватом.

— Наташенька, дитя мое. Ты на трех страницах флиртуешь с ним. Хочешь, чтобы я взяла это в публикацию?

— Но поймите же. Это современное общение, я не могла начать разговор с сухого приветствия.

— Тогда почему весь текст в колобках? У нас бумажное издание, в конце концов, мы не анекдоты печатаем.

— А вы не думаете, что таким образом мы сможем привлечь более молодую аудиторию, им будет интересно увидеть привычный формат? Чего ради еще нам писать про рэпера?

— Юное мое создание, Наташа, ты думаешь, я не понимаю, что такое популярность? Каким бы знаменитым он тебе ни казался, именно пресса может вознести его на пьедестал или низвергнуть с него. Ты хорошо изучила его досье?

— Разумеется. Я знаю все скандалы, связанные с ним, где он бывает, где одевается, с кем проводит время.

— Но ты не знаешь главного — это цели нашего сотрудничества. У твоего кумира, с которым ты «не прочь провести вечер в разговорах по душам», серьезные проблемы с законом и репутацией. Он резко выразился по поводу семьи и брака, его агент заплатил нам за статью, в которой мы поднимем вопросы глубины его сознания, все его светлые стороны, волонтерскую деятельность, борьбу с зависимостями, любовь к национальным традициям.

— Машенька Кубиковна, но это же честное интервью. Посмотрите, я задала ему все необходимые вопросы.

— Наташа, ты должна была навести его на нужные ответы. Если бы он мог сформулировать их сам, нас бы не наняли. Что у него про глубину, читай.

— «Что ты знаешь об одиночестве в толпе, такая чика никогда не была на дне, а я дошел и пробил, я бы тебя любил, прямо там любил».

— Ты понимаешь, насколько это противоположный результат? Теперь про светлые стороны.

— «Во мне света нет, но во мне есть Бог. Я бы был чище, но не смог. Белый худи — это все то светлое во мне, но на нем есть пятно, оно все в...»

— Не произноси вслух. Я этого не люблю. Волонтерская деятельность?

— О, это интересно. Он помогал в доме престарелых. Мы

можем не упоминать, что это принудительные работы по решению суда. Вот смотрите: «Бабулю взял за руку, проводил. Не толкнул, не обидел, даже не убил. Я бабушку не трону, я не волк. Но шапочку увижу красную, зубами — щелк. Неси-неси скорее пирожки, я тебя уже жду, у твоей бабушки».

— Наташа, мои глаза кровят. Это театр абсурда.

— В этом его фишка, его стиль. Мы не можем писать о нем и не демонстрировать его талант.

— Что по зависимостям?

— В этом отношении я провела глубокую работу. Мне не были знакомы многие специфичные термины, поэтому пришлось их изучать. Я выкинула все неприемлемое, что могло бы сойти за пропаганду. «Я часто увлекался, чем только мог. Коротких юбочек коллекция и длинных ног уже давно забыта, на них я не смотрю, ведь я хочу лишь твою сладкую по...»

— Достаточно.

— Но есть еще национальные традиции. «Я выйду в полюшко, березку обниму. Я за свою страну даже себя порву. Здесь моя Родина, и камушки, и речка, и песок. Здесь с корешами жарили мы летом шашлычок».

— Наташа. Это очень плохо.

— Но Машенька Кубиковна, что я могу сделать?

— Дорогая моя, ты напишешь большую околонаучную статью о том, как он борется с синдромом Туретта¹, помню-

¹ Синдром Туретта — расстройство центральной нервной системы сопровож-

женным на гениальность, но осложненным копролалией².

— Что это?

— Это все то, что он тебе наговорил. Непроизвольно, вопреки здравому смыслу, который якобы имеет место. Он очень от этого страдает, но врачи не в силах ему помочь.

— Я понимаю, но ему не ставили официальный диагноз. Нам придется писать опровержение.

— Это проблемы его агента, и он их решит.

дающиеся двигательными и голосовыми тиками

² Копролалия — неконтролируемое выкрикивание нецензурных слов

Тотальная критика

— Барышня, соблаговолите сообщить мне, куда я попала.

— Здравствуйте, это редакция газеты «Глас Города».

— «Глаз»?

— Ну что вы, «глас», «голос».

— О боже, нет. Милейшая, представьтесь для начала.

— Наталья. Я штатный журналист.

— Все это так неприятно...

— Простите?

— Я хотела сказать, такое неприятное место, здесь слишком темно, и эти обшарпанные стены. В них может рождаться только тоска и уныние. Я полагаю, вы должны были назвать свое издание «Голос трущоб» или что-то еще более подходящее вроде «Стоны подполья», «Отверженные обществом». Нет-нет, дайте еще подумать. «Стенания со дна». Ах, это было бы драматичнее и поэтичнее одновременно.

— Я прошу прощения, но вы к нам по какому-то делу? Вам назначено? Быть может, вы рекламодатель?

— Разумеется, нет. Удивлена вашей дерзости, неужели, глядя на меня, можно предположить, что я дам рекламу в вашем издании?

— Я не хотела вас обидеть.

— Уверена, что так. Собственно, я заинтересована во встрече с вашим главным редактором. Могу я видеть Марию

Эдуардовну?

— Она сейчас занята, но я узнаю, сможет ли она принять вас позже. Хотите кофе?

— Кофе в это время дня? Ни в коем случае. Поторопитесь, милая. Я не намерена зря тратить время. Такая молодая и такая нерасторопная.

— Я сейчас занята для всех!

— Но Машенька Кубиковна, там такая дама, она меня глазами съест.

— Да кто там за дверью может быть? Мама?! Мама, вы здесь?

— И ты не поприветствуешь меня должным образом?

— Мама, здравствуйте.

— Дорогая, скажи, что ты забыла в этой дыре?

— Мама...

— Твой персонал не вышколен. Обстановка не выдерживает критики, а ты сама... Что на тебе надето? Ты нашла старый бабушкин сундук? Милая, в этом сезоне в моде другие фасоны. Или это винтаж? Я осмотрелась, пока ждала, что ты соблаговолишь ко мне выйти. Подобный антураж не создает тебе имиджа. Или ты хочешь заявить всему миру, что деньги для тебя не важны? Быть может, твои сотрудники готовы работать за еду?

— На самом деле пока так и есть.

— Наташа!

— Простите, Машенька Кубиковна.

— Я так и знала. Ты могла бы обратиться ко мне, я все еще владею некоторыми связями и даже готова инвестировать в твоё начинание. Наташенька, дорогая, в преддверии этой сделки приготовьте нам шампанское, закажите устриц, карпаччо из телятины, семечки из лосося. Что вы так смотрите?

— Я не знаю, где можно такое заказать.

— Поищите контакты ресторана *Importante*, я питаю слабость к их кухне. Идите, дорогая моя, у нас еще много тем для обсуждения наедине.

— Слушаюсь. То есть, я хотела сказать, сейчас все сделаю.

— Мама, что вы устроили? Эту редакцию возглавляю я, и персонал должен подчиняться мне. Наташа работает над статьей, а не на посылках.

— О чем мы спорим, дорогая. Ведь мы же семья и я хочу тебе помочь.

— Я не просила о помощи, мама, прошу, не надо размахивать передо мной чековой книжкой. Откуда вы вообще ее взяли, кто в наше время ими пользуется?

— Считай это данью традициям. В конце концов, я не могу называть такие суммы вслух, это неприлично. Так что ты скажешь по поводу моего предложения?

— Мама, я скажу то, что говорила вам десять, двадцать и тридцать лет назад — нет! Я прекрасно справляюсь без вашей помощи. У меня тоже есть связи, более того, я опытный журналист и редактор. Если вы следили за моей деятельно-

стью, то знаете, что «Глас Города» привлёк к себе значительное внимание, и это только начало.

— Об этом я и говорю. Даже название опускает тебя на скамью запасных. Так неброско, скромно и даже посредственно. Позволь мне хотя бы нанять специалистов по рекламе, они сделают ребрендинг.

— И снова — нет!

— Твоя категоричность, как всегда, обернется против тебя. Но кто я такая, чтобы давать советы. Всего лишь твоя мать!

— Мама, прошу вас, не начинайте.

— Нет-нет, я ухожу, но прошу тебя подумать.

— Машенька Кубиковна, я принесла шампанское, доставка еды будет в течение часа.

— Что это? Крашеные пузырьки? Мария, прошу, воспитай эту девочку так, как я воспитывала тебя. Ей необходимо привить хороший вкус. А вы, милая, запомните: ароматизированное шампанское недостойно ваших вкусовых рецепторов. На этом все, я удаляюсь.

— До свиданья.

— Ушла.

— Машенька Кубиковна, это правда ваша мать?

— Да, тебя это удивляет?

— Нет, то есть да. Она такая элегантная, и ее манеры, и то, как она одета. Но почему вы не приняли ее помощь?

— Потому что иначе наша газета превратилась бы в гла-

мурный журнал. Мы бы писали репортажи с показов мод и делали обзоры на новые линейки косметики.

— Но это было бы так интересно. Рим, Милан, неделя моды в Париже!

— Нет, Наташа, мы с тобой рождены для другой журналистики.

— Даже я?

— Именно.

— Но Машенька Кубиковна, ведь мы разорены!

— Что ты, Наташенька, мы не разорены. Разорен тот, у кого ничего нет. А мы все еще в глубоком минусе. Но это и дает нам пищу для творчества. Художник должен быть голодным.

— Тогда можно я хотя бы попробую устриц?

Личное дело

Элеонора
Андреевна

Должность: владелец ивент-агентства

Образование: не имеет значение,
важнее вкус к жизни и то, на что ты
готов ради мечты.

Характеристика: обманчивая

Вехи жизни: описаны в мемуарах,
будут опубликованы строго после
смерти. Все в них не субъективно, но
истинная правда. Несогласные могут
перевернуться в своих... зонах
комфорта.

Неловкий момент

— Ай, кто это?

— А это кто?

— Мужчина, прекратите меня щупать! Прекратите, я ска-
зала!

— Я вас не щупаю, я пытаюсь не упасть, вы меня толкну-
ли.

— Сергей?

— А кто же еще, Мария Кубиковна?

— Господи боже! Я думала, что это вор.

— Вынужден вас разочаровать. Сейчас я включу свет.

— Сережа, что вы делаете ночью в редакции?

— Как что? Я здесь живу. С тех пор как мы остались без
работы, меня выселили из квартиры, мне нечем платить за
жилье, это единственное известное мне место, где можно
преклонить голову и переночевать.

— И давно вы здесь?

— Уже две недели. И признаюсь, приходится туго. Я на
границе отчаяния. Чувствую себя героем Достоевского.

— Вы проигрались в карты?

— Ну что вы.

— Вы скрываетесь от властей?

— Они вряд ли мной заинтересованы.

— Вы готовы убить женщину ради денег? Сергей!

— Мария Кубиковна, вы в полной безопасности рядом со мной.

— Тогда объяснитесь.

— Я скорее опустился на дно.

— Дорогой мой, так ведь это не Достоевский, это Горький.

— Разве это важно, когда я ем один раз в день и ночью в офисе?

— И воруете коллекционный коньяк из моего кабинета!

— Так вы заметили?

— И потому я здесь! Когда стала пропадать моя еда, я подумала о крысах, но коньяк...

— А вам не кажется ироничным, что ваш единственный квалифицированный журналист голодает, а его редактор пьет коньяк?

— Сергей, это был подарок. Кроме того, вы пили его в одиночку.

— Вот в чем была моя ошибка, иначе вы бы не заметили.

— Сергей, это никуда не годится. Вам следует встряхнуться и взять себя в руки. Вы молодой симпатичный мужчина, у вас талант, вы не испорчены деньгами. Для вас открыты все дороги.

— Как интересно вы выгоняете меня в ночь на улицу, Мария Кубиковна.

— Сергей, вы неправильно меня поняли. Я просто хотела вас поддержать. Кроме того, не все так плохо. Открою вам секрет: мне удалось получить уникальный материал, и скоро

наши дела улучшатся. Через неделю я выплачу всем зарплату.

— Она позволит мне снять достойное жилье?

— Полагаю, нет, но, если вы будете аккуратны, можете приобрести подушку и одеяло. И я настоятельно рекомендую вам воспользоваться услугами прачечной. Это никуда не годится.

— И я могу узнать, что это за материал?

— Не смешите меня, Сергей. Вам не следует об этом знать. Могу только сообщить, что здесь не обошлось без участия Аркадия.

— И вы снова поверили ему?

— Разумеется. Вы еще много не знаете, Сергей, но Аркадий — наша золотая жила. Да, признаюсь, он не раз подставлял меня. Но в этот раз у него были слишком серьезные неприятности, и я не смогла ему отказать. В действительности, мне сложно оставить человека в беде. В этом моя слабость.

— Как вы великодушны!

— Я считываю ваш сарказм. Но не переживайте. Я тертый калач, и меня просто так не потопить. Ну-ну, не грустите, давайте-ка лучше это отметим, раз уж коньяк откупорен, почему бы мне не попробовать. Составите мне компанию?

— Мария Кубиковна, я не в том положении, чтобы отказываться. К тому же этот коньяк весьма хорош.

— Вот и прекрасно. Принесите бутылку, бокалы, сыр, что

там у меня еще есть?

— Немного орешков и хлеб, превратившийся в сухарь.

— Сережа, вы не слишком налегаете?

— Дайте мне хотя бы возможность утонуть в вине.

— После происшествия в том подвальчике я бы на вашем месте оставила эту философию пьяницы.

— Мария Кубиковна, вы умная и сильная женщина. Я всегда восторгался вами, верите вы мне?

— Сергей, в вас говорит коньяк. Как вы быстро набрались. Я уже жалею, что сама предложила выпить.

— Нет, это был знак. Вот теперь я скажу, что думаю. Да, было время, когда я хотел соблазнить вас ради карьеры. Но в нынешнем положении дел она уперлась в потолок, поэтому я хочу соблазнить вас без какой-либо цели.

— Сергей, остановитесь.

— Мы здесь одни, вы очаровательны, и я вам симпатичен.

Вы сами сказали.

— Я не это имела... Сергей. Это был слишком смелый поцелуй, я вам в матери го...

— Сережа, что ты устроил тут ночью? Такой разгром и коньяк на полу разлит! Кубиковна придет, вышвырнет тебя на улицу, срочно вставай и все убирай!

— Наташа, ты пришла? Уже утро?

— Уже давно утро, поторопись. Я тебе поесть принесла.

— Ты сама доброта.

— Ты совсем не боишься Кубиковну? Давай быстрее уби-

райся и приводи себя в порядок. Что у тебя на щеке? Тебя били?

— Ты знаешь, да! И да, я больше не боюсь Кубиковну, вчера я много думал о ней.

— И что ты думал?

— Я думал, что в жизни каждого мужчины должна появиться женщина, которая станет поворотным моментом, направит его вверх, станет его музой.

— Хочешь сказать, что ты и Кубиковна? Что между вами что-то было?

— Это было не что-то, это было ничто и все одновременно.

— Я не понимаю.

— Я пока тоже, но, если она до сих пор не вызвала полицию, значит, у меня есть шанс подняться со дна.

— Сережа, так вы с ней?..

— Наташа, она крепкий орешек, больше я ничего не скажу.

— Но я хочу знать, Сережа! Мы же друзья!

— Джентльмены не обсуждают женщин.

Неоднозначная позиция

— Аркадий, зачем ты пришел?

— В первую очередь здравствуй, Наташа.

— Как у тебя наглости хватает здесь появляться?

— Напоминаю тебе, что я здесь ведущий журналист.

— После того как ты удрал с материалом? Да я на тебя собак спущу!

— Наташа, каких собак? Разве что ты сама будешь на меня тявкать? Не морщи так носик, ты становишься похожа на пекинеса.

— Да как ты смеешь!

— Смею! Я здесь по личной просьбе Кубиковны и в этот раз навсегда!

— И она тебе поверила?

— Я тебе больше скажу, она ждала, когда я вернусь.

— Аркадий! Почему так долго? Вы меня задерживаете. Нам еще предстоит работа! Быстрее, я жду!

— Иду, Мария Кубиковна. Вот видишь, Наташа.

— Поторопись, или она тебя пнет!

— Злюка.

— Наташа, что за шум?

— Сереж, ты видел? Аркадий пришел. Самодовольный такой. Что случилось, как думаешь?

— Что бы ни случилось, а Кубиковна его использует.

— Не такой же он дурак, чтобы снова попасться на ту же удочку.

— Может, и не такой. Но с Кубиковной ему не справиться. Хочешь пари?

— Давай! О чем спорим?

— Если он выйдет с очередным замысловатым названием статьи, значит, Кубиковна подсунула ему свинью.

— А если нет, то он принес ей по-настоящему хороший материал.

— От конкурентов?

— Откуда же еще.

— Позволь твою руку, Наташа.

— На что спорим?

— На обед.

— И чем ты планируешь расплачиваться?

— Наташа, во-первых, я могу выиграть. А во-вторых, Кубиковна обещала мне гонорар.

— Не шутишь?

— Нисколько. Приготовься, Аркадий идет.

— Что смотрите? Я принес статью и получил новое задание.

— Аркадий, может быть, ты даже скажешь, какое?

— Наташа, такому неоперившемуся птенчику, как ты, можно сказать все, ведь ты совсем не представляешь для меня опасности. Да и кое-кто другой, уже ошипанный, тоже.

— Аркадий, а не помочь ли тебе спуститься с лестницы?

— Но-но, Кубиковна тебе спасибо не скажет.

— Аркадий, так какое задание?

— Криминализация коммерческой составляющей на закрытом рынке субпродуктов в медицинской сфере. Что, птенчики? Вам такое не потянуть.

— Ты хочешь сказать, что Кубиковна будет о таком писать? Ой, кажется, меня мутит.

— Наташа, ты уже слишком много знаешь, смотри, как бы тебя не взяли на прицел.

— Шел бы ты, Аркадий. Наташа, мне жаль тебе сообщать, но, кажется, я выиграл.

— Почему никто не работает? Наташа, тебе плохо? Присядь и выпей воды. У нас слишком много дел.

— Машенька Кубиковна, это правда, что сказал Аркадий? Про черный рынок торговли органами?

— Да, Наташа. Злободневные темы. Все в нашем духе, мы «Глас Города».

— Но это же Аркадий, он передаст текст конкурентам.

— Да, дорогая. И они его опубликуют. Перейдут дорогу очень серьезным людям и получат огромные проблемы.

— Так вы это спланировали?

— Разумеется. Я всегда думаю на несколько шагов вперед. Наши конкуренты выходят из печати на три дня раньше нас.

— Но мы их только разозлим, Мария Кубиковна.

— Сережа, я уже решила, какой гвоздь в их крышке гроба будет последним. Аркадий принес мне замечательный ма-

териал. Он также выйдет раньше нашего. Я в этом убеждена, потому что Аркадий настаивал, что его опубликуют позже. А уже через три дня мы выпустим опровержение. Поэтому пройдите в мой кабинет, я дам вам исчерпывающие инструкции, вы составите статью. Но сначала помогите Наташе прийти в чувство. Дитя мое, ты должна быть хладнокровнее. Этот мир невероятно жесток. Сергей, жду вас в кабинете через десять минут.

— Понял. Наташа, тебе лучше?

— Да, уже лучше. Кажется, мы оба выиграли в этом пари. Ты иди. Тебе еще опровержение писать.

— Сейчас пойду. Но Аркадий... Что с ним не так?

— Ты знаешь, я думала, что он двойной агент, а теперь уже, кажется, тройной. Ворует тексты у конкурентов для нас, у нас для конкурентов, подставляет конкурентов ради нас. Ты как думаешь?

— Меня сейчас больше интересует другой вопрос: что у них с Кубиковной?

Зачем мы пишем

— Сережа, почему ты такой грустный?

— Наташа, я чувствую себя преступником.

— Почему? Кубиковна наконец дала нам зарплату, я купила новые туфли, посмотри, какие хорошенькие.

— Наташа, я завидую твоему энтузиазму, твоей любви к жизни.

— Сережа, это у тебя от недоедания. И врачу не мешало бы показаться.

— Наташа, я сыт по горло. То, что мы сделали, посадило меня на одну скамью с криминальными элементами. Как низко я пал.

— Да что ты так убиваешься?

— А ты не понимаешь, что мы сделали? Мы одной статьей разорили не только «Корпоративный вестник», но крупный бизнес, лишили работы сразу несколько сотен человек. Станки в типографии будут простаивать, журналисты будут просить подаяния на улице, курьеры — мерзнуть в ожидании заказов, кофейня, где мы раньше пили кофе, тоже разорится, и больше никто не попробует те самые пирожные. Сын генерального, этот мажор на «майбахе», пойдет работать на завод. Так ему и надо!

— Сережа, ну что ты. Ты должен радоваться за себя, за нас. Кубиковне столько предложений поступило, столько за-

казов, столько рекламы. А сколько писем с угрозами я выкинула, если бы ты знал!

— Наташа, то, что мы делаем, разрушает этот мир. Я был создан созидать, нести людям свет.

— Мы именно это и делаем. Мы раскрыли коррупционную схему, мы указали на связи конкурентов с черным рынком. Они поплатились за свои же собственные ошибки. А твоя статья! Это же шедевр.

— Наташа, я писал про грязь, про связи через постель. Я будто сам в этом испачкался.

— Сережа, но как ты это сделал! «Узоры смятых простыней и шепот порочных губ», я когда читала, у меня мурашки шли по телу. Так страстно и романтично, как в женских романах. А потом резко так обрубил про «порочные каналы связи».

— Прошу тебя, не напоминай. Я как будто был там и смотрел, как они обмениваются информацией через этих жриц любви.

— Сейчас говорят «эскортниц». Сережа, ты подпал под сильное влияние Кубиковны, стал говорить как она.

— А ты стала прагматична, как она. Из милой и наивной ты превратишься в закоренелую карьеристку, одиночку, в конце концов пойдешь по головам.

— Кубиковна не такая, она всем помогает. И чего ты на нее взъелся?

— Я видел, как она смотрит чужие резюме. Наташа, мы

стояли с ней у истоков, она использовала наш разум и нашу плоть, когда мы были ей нужны. А теперь она выбросит нас на улицу.

— Я в это не верю. И причем тут вообще плоть? Или... Подожди, так между вами что-то все-таки было?

— Наташа, ну что ты опять? Я оговорился.

— Нет, я вижу, как ты прячешь глаза. Ты попался. Признайся, и тебе не придется держать это в себе.

— Наташа, я тебе говорю о смысле жизни, о нашем предназначении, а ты живешь какими-то мелкими интрижками.

— Так все-таки было, но не то чтобы серьезно, да?

— Наташа! Ну, посмотри на меня. Кто я такой, чтобы такая женщина заинтересовалась мной?

— Ты заговариваешь мне зубы.

— Нет, мы с ней птицы разного полета.

— И ты совсем не ревнуешь?

— Это нелепо.

— И ты снова говоришь как она. Хорошо, нет так нет. И даже ничего нет такого в том, что сегодня у нее назначена встреча с неким Венечкой. Ни о чем таком это не говорит.

— С каким еще Венечкой? Что это, какая-то фирма доставки цветов на похороны? Кубиковна решила отправить венок нашим конкурентам?

— Венечка — это уменьшительное от имени Вениамин. Звонил мужчина и просил так его записать, сказал, что Кубиковна поймет. Но тебя это вряд ли заинтересует.

— Именно так, нисколько не интересно. Скажи только, во сколько.

— Зачем?

— Буду знать, что Кубиковна занята, смогу улизнуть пораньше.

— В четыре часа.

— Она попросила не занимать переговорную?

— Нет, они встретятся в ее кабинете, она попросила меня подготовить закуски и особенно тепло его встретить.

— Странно, очень странно.

— Сережа, ты можешь уйти пораньше, видимо, это надолго.

— Да нет, я лучше останусь, вдруг ей понадобится что-то. Может, она захочет представить своего лучшего журналиста.

— Да-да, только это тебя и останавливает.

— Что ты сказала?

— Ничего. На этот случай и Аркадий сгодился бы. Но он после публикации в бегах. Все-таки зря он подставился. Но мне его не жаль. Так ты уходишь?

— Нет, я буду стоять на страже интересов редакции. Во всяком случае, до шести часов вечера.

Заклятые друзья

— Здравствуйте, девушка.

— Здравствуйте. Вам назначено?

— Да.

— Назовите вашу фамилию, пожалуйста.

— Латынский.

— Латинский?

— Ы!

— Ы?

— Латы!

— ЛАты?

— Девушка, запишите: Леонид, Андрей, Тимофей, Ы, Николай, Сергей, Кирилл, Илья, Й.

— Кто все эти люди?

— Читайте по буквам!

— Каждого?

— Да нет же!

— Веня?

— Машенька, ну наконец-то.

— Веня, просто дай Наташе визитку. Это твое вечное «ы».

Бедные студенты.

— Наташа, прошу вас.

— О, так вы доктор философии?

— Философии, теософии и лингвофилософии.

— А как же латынь?

— Причем здесь латынь?

— Ну как же...

— Вениамин Иннокентьевич не преподает латынь, Наташа.

— Машенька, а я не с пустыми руками, вот принес тебе коньяк.

— Спасибо, дорогой. Но ты знаешь, я не люблю крепкие напитки.

— Знаю, зато я люблю. С твоего позволения. Наташенька, я предпочитаю коньячные бокалы рюмкам, сможете меня выручить?

— Да-да, минуту.

— Машенька, я пришел тебя поздравить. Как ты всего добилась, сколько сил положила, сколько лет истратила. Конечно, ты переняла опыт своих наставников, чувствуется мой профессорский стиль.

— Да, Веня, ты сильно повлиял на меня. Не скажу, что это был только положительный опыт, даже скорее...

— А как юна и свежа ты была, совсем девочка в моей аудитории на третьем этаже университета.

— В отличие от тебя, дорогой.

— Надо сказать, ты была восторженнее.

— Мне пришлось многое пересмотреть. Теперь я не только главный редактор, но владелица бизнеса, это накладывает свой отпечаток.

— Да, сейчас ты более земная. А ведь была эфирной дымкой! Собственно, я пришел тебя спасти.

— От чего? От тебя самого?

— Твоим статьям не хватает лоска, экспрессии. Ну, что ты там пишешь: бытовуха, поножовщина, перебирание чужого грязного белья. Где воспитание ценностей? Где поэзия слова? Вот сейчас я дам тебе тему для статьи: структура самопознания индивидуума на фазе постдеградации личности при явной симптоматике некроза гепатоцитов³. Это актуально, это сейчас важно обывателям.

— Вениамин, твой круг общения усугубился. Однако ты слишком щедр.

— Ну что ты, что ты. Мы не чужие люди. Через месяц я зайду за гонораром и подкину еще идей.

— Боюсь, мой кадровик в отпуске, и я не смогу ввести тебя в штатное расписание.

— Вряд ли это препятствие.

— Веня, это даже не истинная причина.

— Вот и хорошо. Поручи это моему оболтусу, он напишет.

— Аркадий сейчас занят другим проектом.

— Он привык работать за двоих. Справится. Но я забыл о времени. Кланяюсь, всего доброго.

— Мария Кубиковна, а кто это был?

— Мой первый муж.

³ Гепатоциты — клетки печени.

— А были еще?

— Сергей, счет еще не закрыт. Но я не рекомендую впредь задавать такие вопросы.

— Машенька Кубиковна, так что, выходит, Аркадий — ваш сын?

— Сын?!

— Мария Кубиковна, быть может, побочный?

— Как вы себе это представляете, Сергей? Аркадий — сын Вениамина Иннокентьевича от второго брака. Я до сих пор сожалею, что он распался.

— Мария Кубиковна, теперь я понимаю вашу страсть к витиеватым формулировкам. Так вы сохраняете связь со своим прошлым через Аркадия. Оно все еще живо в вас.

— Что за глупости, Сергей! Более того, почему я слышу в ваших словах укор? Я просто хочу, чтобы Аркадий страдал так же, как я от его текстов.

— Но ему это нравится!

— Он лингвистический мазохист. Хватит об этом. Возвращайтесь к работе. Я буду у себя.

— Сережа, мы сможем когда-нибудь говорить как они?

— Наташа, ради нашего же блага надеюсь, что нет.

Личное дело

Латынский
Вениамин
Иннокентьевич

Место работы: Государственный
институт естественных наук

Должность: профессор

Образование: высшее. Философия

Звания: доктор философии, член
совета философов, основатель союза
псевдододемагии и софистики, автор
статей на тему лингвофилософского
дуализма в области культуры
раннешумерской государственности
и пр. и пр.

Серьезный разговор

— Наташа, смотри, Кубиковна прямо-таки светится.

— И не говори, она даже стиль сменила. Что-то ее к этому подтолкнуло, а, Сережа?

— Опять твои намеки! Это после визита ее матери. Я здесь ни при чем.

— Тогда откуда ты об этом знаешь?

— Простое наблюдение. Кстати, ты заметила, с каким размахом она организовала банкет? После нашей дыры я думал, она будет экономить на всем и даже держать нас в черном теле. А тут такая обстановка: цветы, шампанское, и она царствует над всем этим!

— Твое восхищение слишком явно!

— Оно оправданно. Но что я не могу понять, это почему она набрала таких зеленых журналюг. И посмотри, только всех этих желторотиков приняли на работу, а теперь они уже сметают со столов таргалетки!

— Сережа, это банкет, пусть наслаждаются.

— Они должны голодать, как я. Хотя бы первые два года.

— Ты слишком суров. Между прочим, Кубиковна заплатила за аренду зала и пригласила репортеров. Смотри, она сейчас дает короткое интервью, а потом будет произносить речь. Цветы и кейтеринг организовала Элеонора Андреевна, Кубиковна была против.

— Кто это?

— Сережа, ты что, не знаешь? Так зовут мать Кубиковны, она приходила к нам в офис.

— Откуда мне было знать, как ее зовут, нас не представляли.

— Элеонора Андреевна Аквитанская — известный организатор публичных мероприятий. У нее такие клиенты, нам и не снилось.

— И ее правда зовут Элеонора Аквитанская?

— Да, я все про нее узнала. Это феноменальная женщина. Она меняла имя каждый раз, когда в ее жизни случались серьезные перемены. Дважды — когда она вступала в брак и один раз — когда обанкротилась.

— С браком понятно, но банкротство? Хотя и это можно объяснить.

— Любопытно, что она никогда не брала фамилию мужа. Например, Элеонорой Аквитанской она стала, когда вышла замуж за богатого итальянца. Говорят, это была истинная страсть до гроба.

— А мужа звали Людовик или Генрих?

— Ни то, ни другое — его звали Энрико. Но ты верно угадал ее мысль. Послушай, мне только сейчас пришла в голову одна идея: если по-английски Henrĭ читается как Генрих, то по-французски Henrĭ читается как Анри, тогда Энрико — это Генрих! Мне срочно надо узнать, как звали первого мужа Элеоноры Андреевны.

— Наташа, нет шансов, что его звали Людовик. Скорее всего, его звали Эдуард.

— С чего ты взял?

— Это имя отца Кубиковны. Ты же не думала, что его звали Кубик?

— Действительно, как я не догадалась. Но что характерно, Элеонора Андреевна никогда не меняла отчество, в дань памяти ее отцу. Он был выдающимся деятелем своего времени, я не запомнила, в какой именно сфере.

— Интересная у Кубиковны семья. Подожди, она произносит речь. Как ей удастся всегда обращаться к толпе так, будто она пророк, ведущий нас в царствие небесное? Наташа, ты очень эффектно выглядишь сегодня.

— Спасибо. Как ты внезапно сменил тему.

— Наташ, сделаешь кое-что ради меня, в знак нашей дружбы?

— Если только ты мне расскажешь, что было между тобой и Кубиковной! Только ради нашей дружбы.

— Хорошо, но я скажу только то, что имею право сказать.

— По рукам.

— Наташа, ты должна мило улыбаться вон тому парню с камерой.

— Зачем?

— Ты обещала.

— Но я должна хотя бы знать.

— Я его сейчас позову, и ты дашь ему небольшое интер-

вью, можешь строить ему глазки, он задержится рядом с тобой подольше.

— А для чего я это буду делать?

— Мне надо поговорить с Кубиковной. Она меня избегает уже несколько дней, а здесь ей некуда будет деться.

— Мог так и сказать с самого начала. Удачи.

— Ты чудо!

— Мария Кубиковна, один вопрос. Не для посторонних, отойдемте.

— Сережа, что за срочность? У нас мероприятие, я должна за всем проследить.

— Мария Кубиковна, сейчас, когда нас никто не видит, мы должны серьезно поговорить.

— Сережа, не время и не место.

— Я настаиваю.

— Ну что ж. Раз этого не избежать, я готова. Сережа, вам придется забыть все, что между нами было, и начать новую страницу своей жизни.

— Я не согласен. Вы не можете решать за меня. После того, что было, вы даже не имеете право отмахиваться от меня подобным образом.

— Сергей, я была уверена, что вы даже не вспомните. Кажется, вы были не в том состоянии. Не думаете же вы, что теперь, как честная женщина, я обязана выйти за вас замуж?

— Мария, я все помню. И то, как вы дрожали в моих руках, и ваш глубокий вздох.

— Это все моя одышка, верный признак болезни сердца, благодарю, что напомнили, я запишусь к врачу.

— Мария Кубиковна, вы так просто от меня не отделаетесь.

— Сережа, разве вам никогда не отказывали? Примите это достойно.

— Отказывали, но, как правило, до того, как все случилось, а не после. В конце концов, я не понимаю, за что получил по лицу.

— Ну что ж, считайте это изюминкой нашего маленького приключения. Разрешаю вам написать об этом в своих мемуарах, но не ранее чем через тридцать лет. Сережа, это слишком опасное сближение, что вы делаете? Я буду вырываться!

— Так вы привлечете внимание. Но я готов и к такому.

— Вы тянете меня за рукав, Сергей! У меня пуговица оторвалась, прекратите это немедленно! Как я теперь покажусь на людях, моя блузка!

— Простите, это вышло случайно.

— Помогите мне достать невидимку из волос, я попробую заколоть. Аккуратнее, вы дергаете мне волосы. Ай, нежнее, прошу вас. Что это?

— В чем дело?

— Мария Эдуардовна, улыбайтесь, пожалуйста. Еще одно фото.

— Выйдите немедленно!

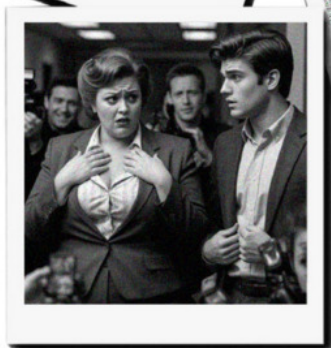
— Это ваш протеже? Мария Эдуардовна, вы в отношении-

ях? Он вам угрожал?

— Прекратите снимать, я сказала!

— Мария Эдуардовна, вы за свободные отношения?

— Все вон!!!

Черный пиар

— Наташа, убери, пожалуйста, эту улыбку с лица. Где твое чувство сострадания?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.